

© М.Э. Сысоева, В.В. Матвеев, В.А. Чирикба

«Для меня большая честь быть членом московской школы компаративистики».

Интервью с Вячеславом Андреевичем Чирикбой

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, кавказоведение, ностратический семинар, история науки

Интервью М. Э. Сысоевой и В.В. Матвеева с лингвистом-кавказоведом д. ф. н. В.А. Чирикбой посвящено творческому пути исследователя и конкретной сфере его научного интереса — сравнительно-историческому языкознанию. В беседе обсуждаются не только биографические вехи, но и этапы развития московской школы компаративистики, история идей отечественной лингвистической школы и ее вклад в кавказоведение, а также атмосфера научных заседаний Ностратического семинара и воспоминания о коллегах.

Владислав Матвеев (В.М.): Когда у вас возник интерес к лингвистике?

Вячеслав Чирикба (В.Ч.): Знаете, в детстве, школьником, я очень интересовался зоологией, ботаникой. И намеревался стать зоологом. Дома и в саду у меня был настоящий зоопарк с клетками, вольерами и аквариумами. Удивляюсь, как все это терпели мои родители. Кумиром моих детских лет был английский зоолог-натуралист Джеральд Даррелл, русскими переводами книг которого я зачитывался. Но уже где-то к 14–15 годам прочитал некоторые книги по истории Абхазии, Кавказа, вообще исторические книги, и заинтересовался древней историей человечества, происхождением народов, происхождением абхазского народа. Я пытался понять, какая из наук может помочь проникнуть вглубь истории максимально далеко. Наконец я понял для себя, что эта наука — сравнительно-историческое языкознание. Это пришло ко мне

Сысоева Мария Эдуардовна – младший научный сотрудник отдела Кавказа ИЭА РАН m.sysoeva@iea.ras.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0553-4998>

Матвеев Владислав Викторович – младший научный сотрудник отдела кавказских языков Института языкознания РАН v.matveev@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0174-5373>

Чирикба Вячеслав Андреевич – профессор, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия; академик Академии наук Абхазии; старший научный сотрудник Института языкознания РАН chirikba@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8967-2767>

Публикация выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 20-18-00159); организация, осуществляющая финансирование – Институт языкознания Российской академии наук (ИЯз РАН).

Для цитирования: Сысоева М.Э., Матвеев В.В., Чирикба В.А. «Для меня большая честь быть членом московской школы компаративистики». Интервью с Вячеславом Андреевичем Чирикбой // Антропологии/Anthropologies. 2023. № 2. С. 158-189. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-2/158-189>

после прочтения ряда книг на эти темы. В особенности хочу отметить произведшую на меня большое впечатление очень интересную и очень доступно написанную книгу Александра Михайловича Кондратова. Кондратов — такой ленинградский был лингвист. И его книга «Земля людей — земля языков», рассказывала о языковых семьях, о доказательстве родства даже географически очень далеких друг от друга языков, о загадке языков-изолятов, не имеющих родственников. Я понял, что именно научное сравнение языков позволит проникнуть в такие глубины веков, в которые другими методами проникнуть трудно. Конечно, археология тоже изучает древние периоды, но ведь камни же не говорят! То же можно сказать и об антропологии — кости и черепа молчат. Исходя лишь из данных археологии, очень трудно понять, какие народы, какие этнические группы создали в древности те или иные цивилизации, те или иные артефакты. А вот лингвистика очень информативна в этом отношении. С точки зрения изучения родства между языками, реконструкции древней истории и древней культуры по данным языка, изучения следов древних контактов языков, а следовательно, и говоривших на них народов. Меня, конечно же, особенно интересовал и вопрос происхождения абхазов и родственных им народов, их связей с другими народами, современными и древними. И я понял для себя, что для того, чтобы удовлетворить свое любопытство касательно всех этих волновавших меня вопросов, я должен стать лингвистом. Что я, в общем-то, и осуществил.

В.М.: В семье не было никого из лингвистической среды?

В.Ч.: Нет, абсолютно. Я первый в своем роде. Кстати, мои дети... Старший сын не пошел, по-моему, по научному пути, он с детства был увлечен компьютерами, и неудивительно, что стал неплохим программистом. Средний сын сейчас проявляет явный интерес к военной истории. А с младшим — пока еще неясно. Как говорится, будем посмотреть.

В.М.: Вы интересовались такими направлениями как биология и лингвистика. Принимали ли вы участие в олимпиадах?

В.Ч.: Да, я участвовал в олимпиаде по биологии в Сухуме, организованной Институтом субтропического хозяйства, и, помню, получил какой-то диплом за хорошие результаты. Я вырос в маленьком городке — в Гагре. Был записан во все библиотеки города и просто глотал книги. К старшим классам перечитал все интересующие меня книги в Гагре и приехал в Сухум, в республиканскую публичную библиотеку, чтобы почитать книги по истории, лингвистике и археологии. Помню, дородная библиотекарьша, которая там была начальницей, как-то ответила мне на мое «Доброе утро!» с гримасой: «Опять пришел голову морочить!» Потому что я каждый раз много заказывал, и быстро прочитав, заказывал следующую пачку, так что им приходилось бегать, все эти заказы искать и тащить мне. Однако, поскольку и там многих интересующих меня книг не оказалось, библиотекарь посоветовала мне обратиться к научной библиотеке Абхазского института языка, литературы и истории, который располагался на втором этаже того же здания. «Вам нужно туда!» — убеждающе сказала она, в надежде, что больше меня не здесь не увидят. Расчет оказался верным. Я поднялся на второй этаж с большим трепетом, все-таки такой знаменитый институт. Но там меня директор библиотеки, Лена Маргания, с которой я сохранил теплые отношения на всю жизнь,

наоборот, встретила очень доброжелательно и с удовольствием знакомила меня с их богатой коллекцией научных книг. Там я впервые прочитал труды Марра, «Историю Абхазии» Дмитрия Гулия, другие книги, отсутствующие в обычных библиотеках. И уже у Марра и Гулия я впервые прочитал о возможных связях абхазского языка с баскским, а также с другими языками. Все это прилежно выписал. Потом это, конечно, дало свои результаты. В том же старшем школьном возрасте переписывался с некоторыми учеными. Был такой очень интересный лингвист, Юрий Владимирович Зыцарь — крупнейший специалист по баскскому языку в Советском Союзе. Он жил в Куйбышеве, а потом переехал в Тбилиси по приглашению преподавать там баскский язык в университете и готовить специалистов. Я с ним списался, и мы ряд лет переписывались по разным аспектам кавказоведения и баскологии, по возможным связям баскского языка с кавказскими. Также еще старшеклассником я познакомился с крупнейшим абхазским этнологом профессором Шалвой Денисовичем Инал-ипа, показывал ему свои первые ученические статьи по фольклору и лингвистике. Но в основном я очень много читал, занимался самообразованием.

Мария Сысоева (М.С.): Расскажите об обстоятельствах вашего знакомства с Юрием Зыцарем.

В.Ч.: Я прочитал его публикацию в «Технике молодежи» — такой журнал для юношества популярный был, я был подписан и любил его читать. И там была напечатана статья о связях баскского языка с кавказскими. Я этим очень заинтересовался и написал ему через редакцию журнала. Он ответил, и так началось наше общение. Но сначала я стеснялся ему признаться, что я еще в школе учился. Меня смущало, что я слишком, так сказать, молод, а он известный ученый. Но когда я наконец через какое-то время решил написать ему в письме рассказать о своем возрасте, он тут же послал мне открытку со словами: «Молодость для науки — это только достоинство!». В конце концов мы с ним коротко увиделись в Тбилиси, куда я приезжал по делам. Зыцарь прислал мне рукопись своего баскско-русского словаря, и я решил на его основе сделать баскско-абхазский словарь. И действительно, сделал, все перевел, но издать, конечно, было нереальным. Так что я автор первого и, наверное, последнего в истории баскско-абхазского словаря. Я его, кстати, в трех толстых тетрадях, не так давно показывал группе телевизионщиков из Басконии, и они сняли об этом словаре и о моем изучении баскского небольшой репортаж на баскском языке. Они смотрели с изумлением на баскский словарь Зыцаря, который был создан ранее современной баскской орфографии на *euskara batua* — «едином баскском». Уже когда я учился в университете, на втором курсе, это был 1979 год, я пригласил Зыцаря погостить у меня дома. Он побывал у меня в Гагре неделю, и мы много беседовали с ним на захватывающие для меня темы: загадка происхождения баскского языка, кавказские языки, шумерский язык, их возможные связи. Это были для меня такие университеты на самом деле, потому что я очень многое узнал от него. Он рассказывал о Николае Марре, о Иване Мещанинове, с кем много общался во время учебы в Ленинграде, о своем учителе Владимире Шишмареве, об Арнольде Чикобава, о других известных ученых-лингвистах. Потом, на конференции в Москве, я встретился с Сергеем Старостиным — тогда еще молодым, но уже известным ученым, лингвистом-компаративистом. Нас познакомил мой близкий друг Владислав Ардзинба, крупнейший тогда российский хеттолог, который

потом стал первым президентом Абхазии. Сережа Старостин, кстати, тоже гостил у меня в Гагре пару недель, в том же 1979 г., сразу же после отъезда Зыцаря. К нашей компании собирался тогда присоединиться Ардзинба, который хотел поработать вместе со Старостиным над хаттским языком на предмет его возможных связей с абхазо-адыгскими языками. К тому времени у Ардзинба уже были очень интересные публикации на эту тему. Но он поздно выбрался из Москвы, и приехал в Гагру как раз после отъезда Старостина. Так, к сожалению, этим планам их совместной работы над хаттским и не удалось осуществиться.

Я очень много Старостину вопросов задавал, и очень много от него получал интересующей меня информации, в области исторического языкознания, реконструкции древних языков, методов реконструкции, возможных связей между языками-изолятами типа баскского, кетского, бурушаски, связей между различными языковыми семьями, специально связей северокавказских с енисейскими и сино-тибетскими языками, связей между языками, входящими в ностратическую макросемью. Все это дало мне очередной стимул к занятию сравнительно-историческим языкознанием, к сравнению языков, к их древней истории. Для меня это и ныне основной интерес, так как я считаю себя лингвистом-историком. Другие аспекты языкознания — фонология, морфология, синтаксис, тоже, конечно, мне интересны, но не настолько, насколько компаративистика. Я уже давно занят написанием этимологического словаря абхазского языка. В Голландии опубликовал словарь реконструированного мной древнеабхазского языка. В общем, все, что связано с историей языков и народов, меня до сих пор очень интересует. Работа компаративиста похожа на работу детектива — сопоставлять различные разрозненные факты, и на их основе попробовать воссоздать цельную картину прошлого. А детективы я очень люблю и до сих пор с удовольствием смотрю. Меня всегда зачаровывает процесс раскрытия тайны.

М.С.: В какие годы вы познакомились с Сергеем Анатольевичем Старостиным?

В.Ч.: Это было, когда я учился в Харьковском университете на 2 курсе. Меня пригласил на конференцию по Древнему Востоку, посвященную известному востоковеду Струве, Владислав Ардзинба, который был в оргкомитете. Конференция проходила в начале февраля 1979 г. в Москве, в Институте востоковедения, и я приехал со своим первым докладом. Посвящен он был слову в значении «раб» в ряде кавказских языков, и его возможном источнике в хурритском и урартском языках. Во время конференции Владислав Ардзинба познакомил меня со Старостиным. Они оба были сотрудниками Института востоковедения и дружили. Спустя какое-то время я познакомился и с Сергеем Львовичем Николаевым — соавтором Старостина по северокавказскому этимологическому словарю.

М.С.: В этот период Сергей Анатольевич разрабатывал сино-кавказскую гипотезу?

В.Ч.: Да. Кстати, когда он ко мне в Гагру приехал, он привез в своем большом рюкзаке рукописи своих этимологических словарей и реконструкций. Я помню, как он сидел в нашем доме и работал над ними. Тогда как раз

он занимался енисейской реконструкцией, показывал мне фотокопии старых словарных записей кетского, коттского, аринского и других енисейских языков. Мы сидели на веранде, смотрели на море, ели виноград с сада, а он писал свою реконструкцию енисейской семьи. Вот так. Была у него с собой и рукопись северокавказского словаря, над которым он продолжал работать. Показывал мне и свою статью, тогда в рукописи, об индоевропейско-северокавказских лексических связях. Мне все это было страшно интересно, и я миллион вопросов задавал. Он всегда охотно и подробно объяснял. Так что это было замечательное время.

В.А. Чирикба (справа) и С.А. Старостин (слева), Гагра, 1979 г. // Из личного архива В.А. Чирикбы

М.С.: Можете вспомнить ваши первые впечатления о Сергее Анатольевиче [Старостине]? Вы знали, что этот человек уже признанный гений? Были ли вы знакомы с его работами?

В.Ч.: Знаете, я не был знаком с его работами, и даже не слышал о нем, находясь в Харькове. Мне о нем рассказал Владислав Ардзинба. Он сказал, что есть двое ребят, молодых лингвистов, Старостин и Николаев, очень талантливых, которые написали этимологический словарь северокавказских языков, и что хорошо бы мне с ними познакомиться. Ну, мое первое впечатление от Старостина — на той конференции в феврале 1979 г. он сделал краткое сообщение о результатах работы по реконструкции северокавказских языков — я не ожидал вот именно такую личность увидеть. Он был похож на Иисуса Христа: высокий, худой, с бородой, длинными волосами. Говорил очень уверенно и убеждающе. Меня, конечно, поразила его эрудиция в языках, ну и чувствовалось, что действительно это был необычайно талантливый, возможно, даже гениальный человек. Я счастлив, что меня судьба с ним связала. Мы потом общались с ним в Гагре во время его приезда, и позже, в Москве, на разных конференциях, семинарах, и по другим поводам. Когда я жил в Голландии, работая над докторской диссертацией в Лейденском университете — он часто приезжал в Лейден по своим проектам, и подолгу там останавливался. Мы и там общались. Я считаю, что мы были хорошими друзьями. И в плане вопросов языкового родства во многом были единомышленниками. Его безвременный уход — это трагедия!

М.С.: Безусловно... Если вернуться хронологически к моменту выбора вуза: в школе зародился интерес к лингвистике, а дальше встает вопрос, где учиться...

В.Ч.: На самом деле я думал сначала поступать в Тбилисский университет, там было кавказское отделение, единственное вообще в Советском Союзе. Я даже документы сдал, но потом, уже находясь в Тбилиси, вдруг передумал, и забрал документы обратно. Юрий Зыцарь в письме мне посоветовал поступать на отделение иностранных языков — он сам окончил романо-германское отделение и, как он написал, «до сих пор не жалею об этом». И я решил поступить на отделение иностранных языков. Поскольку моя тетьа училась в Харькове, а в Москву я побоялся ехать, потому что как-то вот я не думал, что поступлю в МГУ, допустим. Не считал себя подготовленным к таким крупнейшим университетам. Кроме того, в случае неудачи грозила армия, куда я точно не хотел. И я решил остановиться на полпути. Такой предварительный этап на пути к Москве. Я поступил в Харьковский университет и окончил отделение иностранных языков: английский, французский. Там, кстати, неплохая была лингвистика. Нам преподавали сравнительно-историческую германистику, готский язык, латинский язык, общее языкознание, теорию перевода, логику. И украинский язык учил тоже. То есть там было много интересных вещей, которые мне потом пригодились. Ну, а потом, в 1982 г., сразу по окончании университета, я поступил в аспирантуру Института языкознания в Москве, в секторе кавказских языков. Зав. отделом был Георгий Андреевич Климов — картвелист и кавказовед, крупнейшая фигура для советского и российского кавказоведения. Там работали крупные кавказоведы: Мухадин Абубекирович Кумахов, Амин Кабцувевич Шагилов, Саид Магомедович Хайдаков, Тамара Ивановна Дешериева, Зара Юсуфовна Кумахова, Михаил Егорович Алексеев. Я ходил по Институту языкознания мимо этих и других знаменитостей: Серебренников, Панфилов, Ярцева, Степанов (директором института был), Дешериев, Швейцер. То есть очень интересный, конечно, опыт общения с этими выдающимися людьми, совершенно незабываемый.

М.С.: Параллельно в 1986 г. Василий Иванович Абаев читает лекции в Институте языкознания. Вы посещали их?

В.Ч.: Он там работал. Хотя из-за возраста в основном работал дома. Но на лекции действительно приезжал. Я посещал все его лекции. Прошел у него курсы древнеперсидского и авестийского языков. Это были незабываемые лекции. Университет, можно сказать, в своем роде. Мы с ним, кстати, часто говорили по кавказским тематикам. Он прекрасно знал кавказоведение, хотя был известнейшим в мире иранистом. И я до сих пор храню все записи этих лекций... Просто стенографически все записывал. Так что это была тоже школа для меня. Большая школа.

М.С.: Расскажите ваши воспоминания о нем. Некоторые информанты сожалеют, что мало удавалось общаться с Василием Ивановичем Абаевым, для некоторых он и вовсе казался странным, всегда держался обособленно. Помните ли вы, какое впечатление он на вас произвел?

В.Ч.: Ну, вообще, я люблю странных людей, меня тоже некоторые считают странным, поэтому я с ним сразу нашел общий язык. Вообще лингви-

сты — странные люди, на самом деле. [Смех. — *В.А.*] Так что здесь как бы одна среда. Нет, Абаев показался мне очень даже доброжелательным, хотя и на вид строгим. Он был довольно стар к тому времени, ходил с трудом. Но ум, конечно, у него был совершенно блестящий, память великолепная. Он сыпал цитатами на греческом, латинском английском, немецком. На грузинском по памяти цитировал строфы из Руставели. Он был полиглотом. Нет, у нас был прекрасный контакт. Он, кстати, любил Абхазию. Бывал в Абхазии в молодости. У него даже глава есть в его известной книге «Осетинский язык и фольклор» — «Поездка в Абхазию». За эту поездку он собрал много интересных данных о связях абхазского языка с древнеосетинским, в плане заимствования. То, что сейчас Карачаево-Черкесия — это ведь была Западная Алания, там аланы жили, осетины, вплоть до XIII в., до того, как монголы разрушили Аланское царство. И осетины исчезли с этой территории. Часть их в горах укрылась, а другая часть ушла на запад и там растворилась. И поэтому средневековые абхазы и осетины общались очень интенсивно. В абхазском есть ряд заимствований из аланского языка, которые впервые обнаружил Василий Иванович. У нас было много интересных тем для разговоров. Я, естественно, много спрашивал, он охотно отвечал.

М.С.: Кто из исследователей в Тбилиси вас заинтересовал?

В.Ч.: Кетеван Виссарионовна Ломтатидзе была крупнейшим специалистом в области абхазского и абазинского языков. Но что-то меня заставило поменять планы, что-то меня тогда смутило. И я в Харьков решил поехать. Может быть, мне показалось, что слишком будет узко заняться сразу только кавказскими языками. Хотелось получить более широкое образование, а затем уже на уровне аспирантуры заняться кавказскими языками. Это, кстати, было неплохое решение, потому что я действительно получил такое широкое образование по европейским языкам, литературам, которое мне до сих пор помогает. И не жалею, что сделал именно такой выбор. Хотя жаль, что так и не удалось познакомиться с Кетеван Ломтатидзе.

М.С.: Вы поступаете в аспирантуру Института языкознания, работаете в отделе Кавказа, и, насколько нам известно, уже в докторантуру поехали в Лейден. Какие события и люди оказали влияние на ваше решение?

В.Ч.: Это было очень интересное время. Перестройка, естественно. Мне было тогда уже 30 лет. У меня первый иностранный язык английский, и я знал и язык, и литературу английскую, американскую, вообще европейскую, довольно неплохо. Их очень хорошо давали в Харьковском университете, там были сильные преподаватели. Но я почти никогда не бывал в Европе. Единственное, съездил в Лондон на конференцию по кавказским языкам в 1990 г. Там я встретился с голландскими кавказоведами. С одним из них — Вимом Люкасеном — я еще в Абхазии познакомился. Он специализировался по абхазскому и убыхскому языкам, занимался составлением большого абхазско-английского словаря. Еще до моей поездки в Голландию мы с ним сотрудничали. Он в письмах мне задавал вопросы по словарным материалам из абхазских текстов, я ему отвечал по почте — тогда еще не было e-mail. Мы с ним потом, когда я переехал в Голландию, стали очень близкими друзьями. К огромному сожалению, его уже нет с нами. В Лондоне я познакомился с Риксом Сметсом — это крупный кавказовед, известнейший специалист в области адыгских

языков. С Риксом мы тоже по приезду в Голландию стали очень хорошими друзьями. Вим и Рикс были учениками известного голландского лингвиста-кавказоведа Аарта Кайперса. Это была такая несколько демоническая фигура, насколько я понял. Я его никогда не видел, но о нем так все... одни с ужасом, другие с обожанием говорили. Как бы то ни было, он создал школу нидерландского кавказоведения, привлек учеников, написал интересную работу по кабардинскому языку «Фонема и морфема в кабардинском языке», опубликовал словарь-реконструкцию проточеркесского, то есть древнеадыгского языка. Кстати, мне передали, что он сказал о моей докторской диссертации: «Не во всем с ним согласен, но в целом работа солидная». Это была приятная для меня оценка.

Ну вот, я работаю в Институте языкознания в Москве, и получаю письмо от Вима Люкассена, в котором он пишет: «Слава, пока еще можно, приезжай к нам, посети Голландию». Он намекал, что неясно, чем закончится Перестройка, и не захлопнется ли вновь «железный занавес». Многие же думали, что все это временно, ну, учитывая историю нашу, очень сложную. И поэтому сказал: «Пока можно, приезжай!» — такая фраза была в письме. Ну я, естественно, решил-таки воспользоваться его приглашением. И вот... для меня это было совершенно сюрреалистично... пошел в железнодорожную кассу на Новом Арбате, и купил билет на поезд «Москва-Амстердам». Сейчас это кажется нормальным, но тогда... Люди еще недавно до того в Болгарию не могли выехать, понимаете? А вот сейчас, поезд «Москва-Амстердам» ходит. И я 124 рубля заплатил за билет в один конец. На этом поезде приехал в Берлин, там пересел на поезд до Утрехта, а оттуда на поезде доехал до Амстердама, где меня встретил Вим. Как сейчас все это помню. Приехал, поселился у Вима и около месяца прожил в его семье. Мы занимались абхазско-английским словарем, и одновременно Вим показывал мне страну, разные города. Затем я съездил в Лейден и посетил Рикса Смеетса, который был главой кавказоведения в Лейденском университете. Во время беседы выяснилось, что существует возможность поступить в докторантуру в университете, можно попытаться поучаствовать в конкурсе. Кстати, в Голландии докторантура считается не учебой, а государственной работой. То есть докторант — это чиновник, госслужащий. Ну, я подал проект на конкурс и, к счастью, выиграл его. Мне тогда очень повезло. И вот так я оказался в докторантуре Лейденского университета. Уволился из Института языкознания и с 1991 г. стал работать в Лейдене. Моей темой была реконструкция празападнокавказского языка, то есть древнего предка абхазо-адыгских языков. Не всей системы, а фонологии и части морфологии и лексики. Я ее защитил в 1996 г. Издал тогда две книги: реконструкцию празападнокавказского языка и словарь древнеабхазского языка.

Сейчас собираюсь обе книги издать в переводе на русский язык, потому что эти мои работы ни в России, ни в общем на Кавказе никто не знает. Они вышли в Голландии небольшим тиражом на английском языке. И мне как-то жаль, что мои аргументы, факты, какие-то новые идеи, важные, как мне кажется, для понимания истории абхазо-адыгских языков, здесь вообще не известны. Поэтому я перевел обе книги на русский язык и готовлюсь издать их в России.

М.С.: Расскажите подробнее об особенностях Лейденской школы.

В.Ч.: Лейденская школа компаративистики — одна из классических. Там большие фигуры были: Кристиан Уленбек, индолог Франс Кайпер, многие другие. Но вот те, кого я застал — это были блестяще ученые, конечно. Роберт Беекес — один из крупнейших индоевропейцев. Фредерик Кортланд, конечно, тоже крупная фигура в области компаративистики. Александр Лубоцкий — ну он русский, и голландский тоже — известный лингвист-компаративист, иранист и индоевропейец. Известный хеттолог и арменист Йос Вайтенберг. Из более молодого поколения — индоевропейцы Михил ван Ваан, Петер Схрейвер, Дирк Бауткан, Рик Дерксен. Сейчас, кстати, из более молодого поколения Алвин Клухорст крупным хеттологом стал. Санскритолог Леонид Куликов и арменист Грач Мартиросян тоже защитили свои докторские диссертации в Лейдене и стали известными учеными-компаративистами. И целый ряд других всемирно известных ученых-индоевропейцев. К сожалению, Вайтенберга, Беекеса и Бауткана уже нет с нами. Но школа продолжает процветать. За пределами индоевропейистики — Виллем Аделаар, он занимается американско-индейскими языками, и его брат Карл Аделаар — специалист в области истории австронезийских и малайских языков. По тюркологии и монголистике продолжает продуктивно работать Уве Блэзинг. Джордж ван Дрим — крупнейший специалист в области сино-тибетских языков. Сейчас он в Бернском университете. Очень сильная школа афразийского языкознания, отличные африканисты. Мой друг Маартен Коссмани — известный специалист по берберским языкам. Синология очень развита. Знаете, в Голландии другая система, не так как в России: кандидатская и докторская. Там сразу пишется, как и в Англии, PhD — докторская. Но это докторская на самом деле, она не равна нашей кандидатской диссертации. Каждая диссертация докторская — а я со многими докторантами был знаком во время своего пребывания в Лейдене — это было событие в науке, на самом деле. Это всегда сильные работы, всегда новое слово в той или иной области языкознания. Проходных работ я просто не помню. Очень высокий уровень, высокие стандарты, и это продолжается. Очень конкурентная среда, побеждают самые умные, самые способные и перспективные. Лейденская школа — институт сравнительного и описательного языкознания — это просто, так сказать, такая оранжерея, где взращивают крупных лингвистов. Хотя все же некоторые отрасли, такие, как кавказоведение, к сожалению, исчезли. В этой области работали такие замечательные ученые, как Аарт Кайперс, Рикс Сметс, Вим Люкассен, Ари Спрайт, Хелма ван ден Берг, Алберт Старревелд. Сейчас кавказоведения там уже нет. Но другие направления продолжают процветать. И лейденская школа по-прежнему остается одной из крупнейших и сильнейших в мире, и в области сравнительно-исторического языкознания, и в области описательной лингвистики.

Лейден один из признанных центров индоевропейистики, там всегда был интерес к этой тематике, и были крупные фигуры. Вообще голландцы, как сказать... очень интересуются всем передовым. Всегда они как-то на переднем крае, и в науке тоже. И поэтому, конечно, для голландских ученых Сергей Старостин был уникальной фигурой: все-таки мало людей, которые могут владеть так свободно огромным массивом языкового материала. Причем разных семей. И так мастерски. Он читал интересные лекции, на которых я присутствовал, много вопросов к нему всегда было. И для них он был, конечно, значительная фигура. Кстати, не только его приглашали, но и других известных русских ученых. Вот, помню, из Петербурга приехали и какое-то время рабо-

тали в Лейдене известный иранист Леонард Георгиевич Герценберг, а также крупнейший специалист по тангутскому языку Ксения Борисовна Кепинг, с которой мы очень подружились. Так что много было таких известных личностей, которых приглашали в Лейден. И одним из таких знаменитостей был Сергей Старостин.

В Нидерландах я работал в Институте сравнительной и описательной лингвистики при Лейденском университете. Там работала тогда целая плеяда, я бы сказал, золотая плеяда ученых: компаративистов, лингвистов, таких как Роберт Беекес, Фредерик Кортланд, Рикс Сметс, Виллем Аделаар, Уве Блэзинг, Александр Лубоцкий, Джордж ван Дрим, Рудольф де Рейк и другие замечательные и очень известные в ученом мире специалисты в области компаративистики и дескриптивной лингвистики. Лейденская лингвистическая школа до сих пор одна из сильнейших в мире. Там, кстати, и ныне работает профессор Лубоцкий, очень известный иранист-индоевропеист. Саша Лубоцкий — выпускник ОСиПЛа МГУ. Мы с ним тоже подружились, когда я приехал в Лейден. Они были друзьями со Старостиным, кажется, сокурсниками. У них были интересные проекты, касающиеся взаимоотношений индоевропейских языков с северокавказскими языками. Затем Сергей Анатольевич, в соавторстве, работал над составлением протоалтайского словаря и часть работы над словарем проводил в Лейдене. По всем этим вопросам он ряд лекций прочитал в Лейденском университете. Особенно запомнились его лекции по северокавказской реконструкции, и по разработанным им усовершенствованным методикам доказательства родства языков с использованием лексикостатистики на базе сокращенного списка Свадеша. Старостину дали, кстати, степень почетного доктора Лейденского университета, потому что у него большие связи с Лейденом были. Кроме того, в 1996 г. была кавказоведческая конференция в Лейдене, он тоже присутствовал и выступал. На этой конференции были также Климов, Кибрик, Алексеев, Керашева, другие известные кавказоведы. Так что было немало общения с Сергеем Анатольевичем именно в Лейдене, как ни странно.

В.М.: Как бы вы могли описать методологические различия между московской и голландской школой?

В.Ч.: Это сложный вопрос. Голландцы вообще поразительные люди в том смысле, что они хорошо осваивают иностранные языки. Это очень редко для Европы. Англичане, немцы, французы, испанцы этим же похвастаться совсем не могут. Когда я туда приехал со своим русским языком, с изумлением понял, что добрая половина института отлично говорит по-русски. Ни в одной стране мира не увидишь, чтобы люди так хорошо знали иностранные языки. При том, если бы я был из Латинской Америки, то обнаружил бы, что половина людей говорит на испанском. Вот это меня в Голландии просто поражало. Мой коллега и друг Рикс Сметс овладел адыгейским языком, который он выучил в Голландии и в Турции. Это в дополнение к тем иностранным языкам, на которых он свободно говорит — на английском, французском, немецком, испанском, турецком. Неплохо знает грузинский. Помимо этого, он прекрасно знает русский и болгарский, потому что славист по образованию, в Лейдене очень сильная школа славистики. Вообще, в плане знания языков голландцы могут у любого вызвать комплекс неполноценности. Хотя сам голландский, или нидерландский язык, в общем-то, мало людей вне Голландии знает. Стра-

на-то небольшая. Голландцы хорошо знают литературу на разных языках, что тоже их отличает. Скажем если англичане и американцы знают в основном англоязычную литературу, а написанное на других языках выпадает из поля их зрения, то голландцы читают в оригинале на разных языках, вплоть до китайского или арабского. Поэтому так много голландцев в различных международных организациях — им просто нет конкуренции в знании языков.

Ну, насчет различия школ, трудно сказать. В Голландии, я думаю, синтез различных европейских школ. Но более глубоко ответить на этот вопрос — это предмет специального исследования. Я плохо знаю их работы по другим языкам... В плане индоевропейских языков, они, вероятно, продолжают скорее немецкую традицию. В плане кавказоведения они опираются на работы русских, советских кавказоведов. Яковлев у них считается большой фигурой. Так что они, по-видимому, впитали в себя многое из разных европейских традиций, включая российскую.

Отличает их все-таки, как мне кажется, от англоязычной школы то, что последняя несколько эндоцентрична, как-то на себе, на своем языке зациклена. Более подробно мне трудно сказать. У меня, кстати, была идея написать работу о вкладе голландских ученых в кавказоведение. Ведь у них великолепные работы по кавказским языкам. Это Кайперс, Сметс, Спрайт, Люкассен, ван ден Берг. Целая школа кавказоведения была. Сейчас там кавказоведения больше нет, к сожалению. Я последний, кто из кавказоведов уехал из Лейдена. К сожалению, эта дисциплина там закончилась. Может быть, возродится на каком-то этапе, но сейчас этого там нет. Но другие дисциплины процветают. Индоевропеистика, славистика, сино-тибетские, афразийские, америндские языки, и все это на самом высоком уровне.

М.С.: Принимали ли вы участие в конференциях дальнего родства или в заседаниях Ностратических семинаров?

В.Ч.: На Ностратических семинарах я бывал в Москве. Вообще, ностратика — вещь такая вот... за пределами России она воспринимается с остороженностью такими добропорядочными, можно сказать, лингвистами. Она стоит как бы за гранью некоторого их горизонта, поэтому это очень такая революционная вещь на самом деле. И не зря она именно в России расцвела. Хотя кроме России, конечно, другие ученые ею занимались: действительно, Хольгер Педерсен в Дании был, а в Америке ностратикой уже долгое время занимается Аллан Бомхард. Но все-таки Иллич-Свитыч — первый [лингвист], который осуществил ностратическую реконструкцию и создал словарь ностратических языков. Я присутствовал на ряде лекций в Москве, когда там учился и работал. Аня Дыбо читала лекции по алтайской реконструкции, Сережа Старостин о северокавказской, Сергей Николаев читал, если не ошибаюсь, на тему дене-кавказской гипотезы, Яша Тестелец, кажется, по пракартвельской реконструкции. То есть там на разные темы доклады читались, не только по ностратике. Дальним родством — таким, как мы его понимаем, — то есть родством между определенными языковыми семьями, все-таки очень мало кто занимается на Западе. Ну вот Виталий Шеворошкин занимался. Русский лингвист, работает в Штатах. Гринберг — он в Израиле... Ой, извините, не Гринберг. Стал забывать фамилии.

М.С.: Долгопольского вы имеете в виду?

В.Ч.: Долгопольского, да, спасибо, что напомнили. Долгопольский, да. Владимир Дыбо и Аня Дыбо. Старостин. Еще ряд лингвистов. В общем, мало кто [занимается нострастикой]. Конечно, там много дискуссионного. Даже если возьмешь любую конкретную семью — реконструкцию, допустим, индоевропейскую — сколько там еще остается непонятого, неясного. Тем более, если делать реконструкцию еще более высокого уровня. Это архисложная вещь. Нужно быть просто компьютером — каковым был Старостин, кстати — чтобы все это держать в уме и оперировать всем этим языковым материалом, находить звукосоответствия и делать реконструкции. Это очень сложная вещь и очень специальная. И мало кто этим занимается и в состоянии заниматься. А сейчас вот у нас кавказоведение историческое практически на глазах почти исчезает. Я один из последних, кто занимается историей северокавказских языков.

М.С.: Олег Алексеевич Мудрак?

В.Ч.: Я имею в виду среди кавказоведов. Олег Мудрак, конечно, блестящий компаративист, он работал по эскимосским языкам. Сейчас и северокавказскими занимается. Он мне подарил свой двухтомник по протодаргинскому. У него несколько другой подход к реконструкциям. Я продолжаю линию Старостина, в основном. Хотя у меня своя версия реконструкции западнокавказской.

М.С.: Вы могли бы подробнее объяснить, в чем принципиальное отличие «линии Старостина»?

В.Ч.: Мы обсуждали с Олегом эти вопросы. Но пока я не видел ничего законченного из его работ по западнокавказским языкам. Скорее всего, он над этим работает и когда-то опубликует. Тогда можно будет сказать что-то конкретнее, в чем отличие его реконструкции от Старостиновской и моей. Поясню, что у Старостина каждая празападнокавказская согласная идеально имеет четыре тембровые корреляции — нейтральную, палатализованную, лабиализованную и палатализованно-лабиализованную. Последние три являются результатом исторического переноса тембра с гласных (а, о, у, и, е, ю) на согласные, с фонологизацией результата. То есть, скажем, старое сочетание звонкого велярного смычного «г» + гласный «у» дало огубленный велярный смычный «гу» + «ы», сочетание звонкого велярного смычного «г» + гласный «и» дало огубленный «гъ» + «ы», и так далее. Таким образом, в празападнокавказском большинство гласных пали, кроме двух: «а» и «ы», которые, как темброво нейтральные, сохранились. Все остальные гласные исчезли, но при этом, как я сказал, передали свой тембр согласным, ставшими огубленными либо смягченными. Кстати, сходным образом появились смягченные согласные в славянском. Не все эти корреляции реализуются, что зависит от характера согласного, но большинство рядов выстроены именно по этим направлениям. И они-то дают различные рефлексy в языках-потомках. Это, кстати, то, чем отличаются западнокавказские языки от восточнокавказских, в которых тембровые гласные сохранились. Поэтому для празападнокавказского Старостин, и я вслед за ним, реконструирует такую систему, где уже произошел переход гласных на тембр согласных, что означает, что надо за-

ниматься всем этим лабиринтом звукосоответствий, которых очень большое количество, и сводить их к некоторым прототипам, что совсем непростая задача. Насколько я понял из бесед с Мудраком, он собирается реконструировать западнокавказские корни с гласными, то есть более ранний период, когда гласные еще присутствовали на фонемном уровне и не передали свой тембр согласным. Вот в этом и будет, наверное, отличие. Кстати, именно так я намеревался сделать новую версию своей западнокавказской реконструкции, что было поддержано в разговоре со мной Вячеславом Ивановым, но затем я все же решил остаться на прежних позициях. В реконструкции Николаева и Старостина — 168 согласных фонем празападнокавказского языка, и это, конечно, вызывает оторопь у многих лингвистов. Хотя, в принципе, если считать, что «гу» — это на самом деле «г» плюс гласный «у», ситуация становится более понятной. Так что здесь имеется дилемма — решить, придать ли вокалический тембр гласному, или согласному.

М.С.: Интересно, чьи «линии» есть еще?

В.Ч.: Вы знаете, хороший вопрос на самом деле! [Смех. — *В.А.*] Потому что был еще такой совершенно замечательный человек Ауес Исмаилович Абдоков — кабардинский ученый, кавказовед-лингвист, который издал, кстати, первый словарь северокавказских языков, несколько ранее Николаева и Старостина. Вот это немного другая линия. В чем-то он опередил свое время, наверное. Мы говорили с Сергеем Старостиним о работах Абдокова. И он [Старостин] говорит, [что] иногда поражался ему: материал у него порой такой запутанный, а вывод правильный. То есть, у Абдокова была такая очень сильная интуиция. Мы с ним дружили, и много дискутировали. Он рано умер, к сожалению, но главные труды свои издал: северокавказский словарь, другие важные работы. Честно говоря, я нахожу меньше строгости в работах Абдокова, к звукосоответствиям меньше требований, хотя и о них он говорит. Там больше работа по лексическим сравнениям. У Старостина все же в целом иначе, хотя там тоже, конечно, есть и ошибки, и иногда какие-то поспешные выводы. Но, в общем-то, его [Старостина] линия — это следование поиску звукосоответствий на основе сравнения корневого материала в базисной лексике. Именно лексические сопоставления, опирающиеся на выявляемые системные звукосоответствия. Вот это, можно сказать, линия Старостина, следование строгим методам сравнительно-исторического языкознания, которой и я, естественно, придерживаюсь. Отличие подхода Старостина и в осуществлении ступенчатой реконструкции — сначала на основе диалектов языка делается реконструкция его древней формы, а затем сравниваются между собой уже реконструированные праформы языков. То есть, к примеру, сначала делается реконструкция праабхазского и праадыгского языков, а затем осуществляется сравнение восстановленных праформ, т.е. предполагаемых древних форм тех или иных слов.

Следует сказать, что сам западнокавказский материал, в отличие даже от восточнокавказского, крайне сложен для реконструкции. Мало языков, по сути, три, мало общих корней, сверхсложная система согласных. Многие корни исторически стертые, о чем писал еще Марр, очень короткие, зачастую просто согласный плюс «а» или «ы». Павшие гласные дали очень запутанную картину звукосоответствий. Так что для компаративиста эти языки совсем не подарок.

М.С.: Возвращаясь в Ностратическому семинару — как вы впервые узнали об этих научных заседаниях?

В.Ч.: Были какие-то объявления, или я от кого-то слышал, что будет лекция... Я знал, что семинар в такие-то дни проходит, и посещал. Не регулярно, но все-таки посещал. Тем более, там бывали интересные лекции специальные: скажем, лекция Старостина и Милитарева о северокавказско-афразийских языковых контактах. По приезду в Москву сделал доклад о своей северокавказской реконструкции Ауес Абдоков, который произвел на членов ностратического семинара очень хорошее впечатление. Он, кстати, в процессе обсуждения поспорил с Владимиром Дыбо, который вел семинар, о каком-то вопросе праславянского языка, он ведь читал праславянский в нальчикском университете, что было интересно слушать.

Я с большинством знаком с теми, кто занимался тогда в ИВАНе и в Институте языкознания, и в других местах кавказоведением или компаративистикой. А вот школа Александра Евгеньевича Кибрика — это школа грамматическая, школа дескриптивной лингвистики. Кстати, многие крупные кавказоведы — и Старостин, и Алексеев, и Тестелец — именно оттуда, но все-таки они ушли больше в историю языка. А большая, замечательная школа дескриптивистов, грамматистов — она, конечно, была создана Александровичем Евгеньевичем Кибриком. Можно сказать, что Кибрик и его коллега Сандро Кодзасов создали первоклассную школу кавказоведения на самом высоком научном уровне, и именно ученики этой школы сейчас задают тон в российском, а во многом и в мировом кавказоведении. Однако интерес их больше в области синхронии, чем диахронии.

М.С.: Выходит, вас можно считать членом московской школы компаративистики?

В.Ч.: Ну, для меня это была бы большая честь. Хотя, действительно, если меня куда-то пристраивать, то это, конечно, именно туда. Хочу добавить, что на меня сильное влияние оказал и Георгий Андреевич Климов. Георгий Андреевич был фигурой очень большого масштаба: кавказовед, лингвист, полиглот. Он был другого плана человек, конечно. Более камерный, более закрытый, в общем-то. Но вот у него я учился строгости, ответственности, тщательности. Я его работы штудировал еще школьником, затем студентом. Можно сказать, что главные влияния на меня как на лингвиста — это Трубецкой, Абаев, Климов, Старостин, Иванов, Кумахов и Шагиров. И это тоже московская школа. Мой научный руководитель Мухадин Абубекирович Кумахов был прекрасным специалистом в области адыгских языков, грамматики, фонетики, истории языка, языка фольклора. Другой старший друг и коллега Амин Кабцувич Шагиров издал этимологический словарь адыгских языков, который я считаю великолепным, очень информативным. Ну, а четырехтомник этимологического словаря осетинского языка Василия Ивановича Абаева, конечно, это просто недостижимая вершина. Таких словарей вообще очень мало в мире. Есть отличный большой пракартвельский словарь Климова, но нет этимологического словаря такого важного кавказского языка, как грузинский, например. Я не понимаю, почему никто его не может сделать. Нет этимологического словаря абхазского языка. Пока. Но над этим я уже работаю.

М.С.: Расскажите о ваших воспоминаниях: где проходил Ностратический семинар, какая царила атмосфера?

В.Ч.: Это бывало в разных местах, сначала в Институте славяноведения и балканистики, в последнее время я бывал на квартире у Ани Дыбо. Атмосфера была очень демократическая. Модерировал семинары Владимир Антонович Дыбо, порой строго. Помню, как-то докладчик сказал, что собирается опустить какую-то часть своего доклада, на что Дыбо строго возразил: «Не редуцировать!». Все засмеялись, потому что это был чисто фонетический термин, например редукция слога, гласного и так далее. Кстати, мне посчастливилось пообщаться и с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым... [Это] большая фигура, совершенно «возрожденческая». Счастьем было слушать его интереснейшие лекции. Недолго до его смерти я с ним пообщался на одной конференции в Москве, и мы даже проехали вместе на его машине до станции метро и пообщались. Он спрашивал о здоровье Владислава Ардзинбы, который был тогда очень болен. Иванов же был научным руководителем Владислава Григорьевича и считал его своим любимым учеником. В завершение разговора Иванов пригласил меня на следующий день в гости, но я уезжал, к сожалению. Я читал, мне кажется, почти все, что им было написано. И кстати, вот и Иванов, и Старостин — оба отзывались друг о друге как о гениях. Я слышал, как Иванов в разговоре с кем-то сказал: «Ну, Старостин-то гений!». И Старостин мне тоже говорил: «Да, можно сказать, что Иванов гениален». Такая, так сказать, взаимная оценка, совершенно адекватная. Больших масштабов личности в плане научного таланта.

Это было на квартире у Ани Дыбо, в последний период моей жизни в Москве. В большой комнате все сидели, атмосфера была дружеская, конечно же, и непринужденная. Кажется, нам давали чай. Там читали Старостин, Николаев, Яша Тестелец. И другие лекции были, но я их хуже помню, честно говоря. Ну и, конечно, страшно интересно было, потому что там был обмен мнениями. Вопросы задавались, отвечали довольно подробно. Я же готовил себя как компаративиста, и как губка все впитывал. Важно знать методы реконструкции, закономерности семантических переходов, причем по разным языкам для того, чтобы лучше разобраться в своем материале.

Все было, повторяю, очень интересно, но детали, к сожалению, помню плохо, ведь больше тридцати лет с тех пор прошло. Там много людей бывало. Часть их я не знал: студенты были какие-то, аспиранты, ну и очень известные ученые, такие как Владимир Антонович Дыбо, который вел заседания. Так что, конечно, это были интересные встречи.

М.С.: Вам часто удавалось посещать заседания Ностратического семинара?

В.Ч.: Не очень. Я многим чем занимался, к сожалению. Разбрасывался. Не регулярно, но посещал.

М.С.: Удавалось ли вам участвовать в экспедициях?

В.Ч.: Знаете, я всегда мечтал попасть на них, но не удавалось по разным причинам. Очень хотелось, ведь там отличная школа: и Александр Кибрик,

и Сандро Кодзасов... Просто великие ученые. Но вот у меня, к сожалению, так и не получилось. К сожалению, я упустил эту возможность...

М.С.: Возвращаясь к истории зарождения московской школы компаративистики... На ваш взгляд, какое событие можно считать точкой отсчета истории московской школы компаративистики? Когда, по вашим воспоминаниям, вошел в обиход сам термин «московская школа компаративистики»?

В.Ч.: Для меня все достижения московской школы неотделимы от личности Николая Сергеевича Трубецкого, который был основателем и фонологии как науки, и северокавказской исторической лингвистики, и так далее. Одним из главных источников был он... Он создал теорию фонемы. По крайней мере, оформил ее в виде стройного учения в своей знаменитой книге «Проблемы фонологии». Основал северокавказское сравнительно-историческое языковедение, впервые выявил звукосоответствия между западнокавказскими и восточнокавказскими языками, осуществил первые реконструкции. Кроме этого, был Николай Феофанович Яковлев. Конечно, он не был в прямом смысле... историком языка, но все-таки многие вещи он впервые описал. Но если считать тот этап, когда я уже жил в Москве и работал там, то это действительно была такая совершенно определенная школа. Это и Старостин, и Николаев, и Алексеев, и Тестелец — вся эта плеяда замечательная. Это Абаев, Иванов, Трубачев, Дыбо, Климов, Кумахов, Шагиров, Королев. И целый ряд других крупных исторических лингвистов. Так что для меня это все, в принципе, русская школа. Может быть есть какие-то различия между петербургской (или ленинградской) школой, и московской, не знаю. Но для меня это все одно течение, которое другое, чем, скажем, западные школы — я вот так, в больших терминах рассуждаю — которые имеют свои как бы акценты. Вот в Голландии своя школа. В Германии своя. И в Штатах своя. Я уверен, что русские компаративисты всегда были на переднем крае вообще этой науки, компаративистики. Удивительно, что после по сути осуждения компаративистики при Марре [Николае Яковлевиче], который и сам, в принципе, порой занимался компаративистикой... после этого неблагоприятного [этапа] все это расцвело вновь и дало такие замечательные фигуры, как Иллич-Свитыч, Долгопольский, Иванов. Марра многие ругают, шельмуют, так же, как марристы шельмовали других. Тем не менее, он был, конечно, гениальным ученым. Многие вещи предугадал или предсказал. Даже не обладая фактическим материалом. Это, кстати, подчеркивал часто Вячеслав Всеволодович Иванов. Он очень высоко ценил научную интуицию Марра. Марр — ученый неоднозначный, но, тем не менее, очень большой [ученый], на самом деле. Нужно просто изучать его наследие и отделять вещи, которые являются совершенно невообразимыми для нормального разума, от идей, которые являются очень интересными и перспективными. Это был гениальный филолог, но в конце концов его это теоретизирование его [же и] погубило. Все эти четырехэлементные анализы и т.д., многие абсурдные идеи. Хотя в основе... он был, конечно, прекрасный ученый-филолог. Кстати, в Сухуме есть улица Марра, на которой сейчас находится место моей работы.

М.С.: Почему компаративистика не развилась в такое крупное большое мощное сообщество, в чем, на ваш взгляд, причина?

В.Ч.: Знаете, тренд единый везде. И в мире, и в России тоже компаративистов все меньше и меньше, вообще интереса к компаративистике все

меньше и меньше. Вот среди всех кавказоведов, которых я знаю, если сравнить, сколько их было ранее, в 1990-е годы, и сейчас: ну, на пальцах можно перечислить тех, кто занимается историей языка. А тогда [в девяностые] их было много. Климов, Кумахов, Шагиров, Тестелец, Алексеев... Им на смену никто не пришел. Да, Яков Тестелец, наверное, занимается. Я занимаюсь. Из кавказоведов я имею в виду. Олег Мудрак. Но все-таки интерес упал везде. Если посмотреть на Европу, я почти 17 лет прожил в Голландии, постоянно общался в Лейденском университете с коллегами. И там тоже это как-то уходит... Крен знаете какой? Дескриптивистика, то есть грамматическое описание языков, и отдельные дисциплины: фонология, скажем, синтаксис, ну, естественно, «хомскианство» тоже никуда не делось — генеративная лингвистика — и различные теории, разные школы теоретические. Это сейчас доминирует повсеместно, и пришло это из Америки. Я думаю, не зря все это совпало с нынешним веком: Bitcoin, цифровая экономика... Все это, как мне кажется, явления одного порядка в цивилизационном плане. А историей языка уже все меньше лингвистов занимается, тем более в кавказоведении. Найти специалиста, который сейчас реально и на должном уровне занимается кавказской компаративистикой, очень трудно. То есть, в общем-то, интерес к истории языка замещается интересом к структуре языка, к грамматике, к дискурсу, к семантике, к другим аспектам. Очень много работ по фонологии, очень много по синтаксису, по грамматическим категориям. Продолжают открываться все новые категории. Это страшно интересно и важно, конечно. Типология языков тоже динамично развивается. Но не история языка. Да, тренд сейчас другой.

М.С.: В воспоминаниях компаративистов замечаем общее: под фразой «он занимается ностратикой» могли подразумевать — «мы не воспринимаем этого человека всерьез, потому что он занимается ностратикой». Как вам кажется, в чем главная причина такого отношения? И всегда ли имеет место обоснованная научная критика или больше, как вы говорите, «верю/не верю»?

В.Ч.: Да, это очень интересный вопрос. И непростой вопрос, потому что... для того, чтобы оценить ностратикку, нужно очень хорошо знать индоевропейстику, финно-угорские, афразийские, дравидийские, алтайские, картвельские языки. Ну, где такие люди, которые прекрасно знают все эти языки, чтобы понять, что «да, это — верно, а это — не верно»? Потому что в конце концов все эти сравнения основаны на реконструкциях отдельных семей, правда же? Ну вот я, например, не смогу оценить качество реконструкции какой-то другой семьи, с которой я не знаком. С материалом не работал, ничего не знаю. А здесь предлагается поверить, что вот шесть [языковых] семей родственны [между собой]. И такая возникает у людей... оторопь — как возможно это все доказать, как это можно все обосновать? Поэтому такое было отношение — тогда тоже было — как к неким таким диссидентам в лингвистике. Ну, они расширяли, так сказать, горизонты. То есть выйти за рамки одной семьи — это все-таки требует определенного полета мысли, знаете. И сопоставить шесть семей друг с другом... Нужно действительно быть Иллич-Свитычем, нужно быть Старостиным. Это не для среднего ума, на самом деле. И поэтому это просто не воспринималось как что-то серьезное. Непонятное всегда кажется нежелательным, вредным или опасным. Кстати, даже северокавказская лингвистика и то не воспринимается многими кавказоведами, особенно западными. На том основании, что это трудно или невозможно до-

казать. Много языков, слишком сложные фонетики. И, кстати, Георгий Андреевич Климов, который был крупнейшим кавказоведом и прекрасно знал материал всех кавказских языков, он тоже не верил, что северокавказские ветви — абхазо-адыгские и нахско-дагестанские — между собой родственные, и поэтому не воспринимал работы ни Абдокова, ни Старостина. И ностратика тоже, ну, как такое вот лингвистическое диссидентство воспринималось тогда. Да и сейчас тоже. Особенно, если уже говорить о таких больших суперсемьях. Конечно, здесь оторопь у людей. Кстати, я вспомнил свою беседу в Гагре у нас дома с Сергеем Старостиным. Я спрашивал: «А что же дальше? Вот эти пять-шесть семей — ностратические языки. Как бы одна макросемья. Вот еще, скажем, сино-кавказская: сино-тибетские плюс северокавказские — это, скажем, другая макросемья. А дальше что? Что ты планируешь дальше?». Он тогда был молодым человеком, ему было 27 лет, кажется, тогда. То есть у него еще все впереди было. Хотя он к тому времени очень многое уже сотворил. И я сказал немножко так с усмешкой: «Proto-World, да?». И он совершенно серьезно ответил: «Ну, да!» У него действительно были такие серьезные амбиции, осуществить реконструкцию праязыка человечества. Он считал, что это возможно. Я с ним согласен по поводу моногенеза языков, я уверен, что прото-язык, предок всех современных языков, был создан в среде одной популяции людей, а потом им могли научиться, как культурным достижением, близкие популяции, с которыми первичная смешивалась, при этом культурно доминируя. Причем первоначально численно это была небольшая группа гоминид. Потом они просто размножились и распространились и, возможно, ассимилировали другие биологически близкие виды. Это не означает, что, скажем, неандертальцы не могли общаться на каком-то примитивном языке, посредством не просто звуковых сигналов, как многие другие животные, а такими примитивными словами-выкриками, своеобразным примитивным языком. Но предком всех нынешних языков скорее всего был язык одной человеческой популяции, которая оказалась наиболее развитой и успешнее других гоминид. И развитый звуковой язык был уникальной специализацией именно этой первоначально небольшой группы. Единственное, в чем я совсем не уверен, что следы этого праязыка не стерлись со временем. Если помотришь на современные языки: много ли мы поймем, читая, скажем, «Слово о полку Игореве», зная русский язык. А это XII век. Или многое ли поймут англичане, читая на древнеанглийском «Беовульф», а это VII–VIII века? А если говорить уже о более древних эпохах... со временем просто стирается фонетическая оболочка слова. Языки могут изменяться неузнаваемо. Но, он [Старостин] считал, что это возможно. Я потом не возвращался с ним к этой теме, но тогда, когда ему было 27 лет, он сказал, что да, его цель — воссоздание праязыка человечества. На пути к этому он сделал очень многое: праалтайскую реконструкцию, прасеверокавказскую, праенисейскую, древнекитайскую, ряд из них, конечно, в соавторстве, это его огромные достижения. Я не могу оценить праалтайскую, не будучи специалистом. Но северокавказскую, осуществленную Николаевым и Старостиным, могу оценить в той или иной степени, и мне кажется, что это очень неплохо. Конечно, у меня много вопросов по поводу конкретных реконструкций, этимологий. Кстати, часть их, касающихся западнокавказской реконструкции, я уже опубликовал в своей рецензии на словарь. В целом же, я убежден, что Николай Трубецкой, Сергей Старостин, Сергей Николаев и Ауес Абдоков научно и неопровержимо доказали реальность северокавказской семьи языков. Они подтвердили ранний пророческий вердикт на этот счет Юлиуса Клапрота, сделанный им еще

Сысоева М.С., Матвеев В.В., Чирикба В.А. «Для меня большая честь быть членом московской школы компаративистики». Интервью с Вячеславом Андреевичем Чирикбой.

в начале XIX в. Я не верю, что это родство невозможно доказать. Абсолютно возможно, хотя и нелегко. Кстати, такой крупнейший ученый, как Жорж Дюмезиль еще в своей работе 1932 г. писал, что северокавказская семья — это не гипотеза, это факт. То есть, в принципе, как мне представляется, для серьезных ученых-компаративистов это очевидные вещи, но они не очевидны, конечно, для тех, кто не специализировался в этой специфической области языкознания, даже если они и крупные лингвисты.

М.С.: Если судить по иберийско-кавказской гипотезе?

В.Ч.: Ну, иберийско-кавказская гипотеза — это тоже интересная тема. То есть сначала была яфетическая теория Николая Марра. Она предполагала родство всех трех групп кавказских языков, но потом Марр стал включать в число яфетических все новые языки. А те, кто разгромили, по сути, яфетическую теорию — были соотечественники Николая Яковлевича Марра — он же был грузином, вернее, мегрелом, по маме, а по отцу шотландцем. И родной язык у него грузинский был. Он даже по-русски, кажется, с каким-то акцентом небольшим говорил. Это главным образом Арнольд Степанович Чикобава, создавший иберийско-кавказскую школу, убедил Сталина в том, что Марр, мягко говоря, неправ. И это самым серьезным образом повлияло на развенчание яфетической теории, после разгромной работы Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». По сути, справедливо, но, конечно, с перегибами, обычными в советское время. Тем не менее, это все-таки вернуло сравнительно-историческую лингвистику на свое законное место в российской науке. У иберийско-кавказской школы есть большие достижения — грамматические описания многих кавказских языков и диалектов. Причем хорошие, добротные описания. Я вот недавно работал с абазинскими материалами Ломтатидзе, ее записями 1935–1939 гг. Ну, просто великолепно... На грузинском алфавите, правда. Но все четко описано. Конечно, они были отличными лингвистами-дескриптивистами, прекрасно описывали кавказские языки, и первые грамматики ряда языков написали, которых до тех пор не было. Это грамматики дагестанских языков, диалектов абазинского языка. У Ломтатидзе большое число статей по абхазскому и абазинскому языкам. Очень ценные работы Георгия Виссарионовича Рогава, ее супруга — он работал по адыгским языкам, и большую грамматику адыгейского языка написал, в соавторстве с Зейнаб Ибрагимовной Керашевой. Так что это были, конечно, крупные ученые. Но в плане исторической лингвистики они были все-таки, как мне кажется, не так сильны. Их нельзя было отнести к русской школе исторической лингвистики, о которой мы выше говорили. Немножко такие самостоятельные были. Арнольд Степанович Чикобава был главным идеологом этой школы. Ломтатидзе и Рогава были практиками, а Чикобава идеологом во многих отношениях. Он считал, во-первых, что родство северокавказских языков — то есть нахско-дагестанских и абхазо-адыгских — является несомненным. И здесь с ним трудно не согласиться. Как и Дюмезиль, Чикобава не считал, что это какая-то гипотеза. Он считал это родство очевидным. И главной целью иберийско-кавказской гипотезы было как раз доказательство родства между северокавказскими и картвельскими языками. Отсюда и термин «иберийская», то есть грузинская. Иберия — древнее название Грузии. Иберийско-кавказская. То есть кавказские языки — это западнокавказские и восточнокавказские языки. Так их ведь еще Клапрот [Юлиус] называл — кавказскими языками, в отличие от картвельских, которые он

считал изолированными. И вот надо было доказать их родство в рамках этой иберийско-кавказской гипотезы. Но у них ничего не получилось, хотя было много попыток сравнения фактов северокавказских языков с грузинским, с мегрельским, сванским. Результаты были очень неубедительными. В итоге напрашивался неизбежный вывод, что, по-видимому, родства все же нет, поскольку не выявляются регулярные звукосоответствия в базовом лексиконе. И поэтому им пришлось прибегнуть к объяснению, что материал кавказских языков настолько уникален, что к нему обычные законы компаративистики неприменимы. Дескать, слишком сложная система согласных и гласных, чтобы можно было все так четко разложить, как в индоевропейском языкознании. Они считали, что для кавказских языков нужна особая методика доказательства родства. Что здесь нужно выявлять не «звукосоответствия», а «звукоотношения». Что бы [под этим] не подразумевалось. Кроме того, они считали, что корень кавказских языков в норме состоит из трех элементов: классного показателя, корня и суффикса-детерминатива. Это опять-таки навело аналогию с четырьмя элементами Марра. И в общем-то, создавался простор для произвольного анализа. Можно было произвольно отделять «окаменелый» префикс, суффикс, а оставшийся согласный сравнивать с согласным в других языках. Так что методологически, конечно, они не создали никакой внятной альтернативной теории доказательства родства языков, а практически, в плане доказательства иберийско-кавказского родства, их попытки окончились неудачей. Напомню, что еще в начале XIX в. Юлиус Клапрот писал, что картвельские языки не родственны северокавказским. И Старостин уже в наше время также об этом писал и показывал на материале. Так же полагали и Жорж Дюмезиль, и его ученик Жорж Шарашидзе. Да и Трубецкой имплицитно был такого же мнения. Так что, в общем, можно сказать, что иберийско-кавказская гипотеза относится уже к истории кавказского языкознания, хотя ее энтузиасты по-прежнему имеются, особенно в Грузии.

М.С.: На ваш взгляд, какое положение занимает баскский язык?

В.Ч.: Мои юношеские увлечения баскским языком и контакты с Юрием Владимировичем Зыцарем привели к тому, что я написал статью «Баскский и северокавказские языки», первый вариант которой я показал Старостину, когда он гостил у меня в Гагре. Меня воодушевила его поддержка, он к моей работе серьезно отнесся, и даже на одном выступлении положительно на нее сослался. Только он тогда посоветовал мне включить в статью материал не только абхазо-адыгских, но и восточнокавказских языков, то есть обеих ветвей северокавказской семьи. Он любезно разрешил мне использовать для статьи его праформы из северокавказского словаря, которые он реконструировал. Он считал, что баскско-северокавказское родство возможно. Я ему показал тогда рукописный баскско-русский словарь, который создал и прислал мне Юрий Зыцарь. Старостин весь словарь внимательно пролистал, а потом уже свободно цитировал баскские слова из этого словаря. Я был поражен тогда, какая у него, оказывается, просто фотографическая память. И вот, просмотрев словарь, и обращая особое внимание на базисную лексику, он сделал вывод, что действительно целый ряд слов из базисного списка напоминают северокавказские. Тогда он, кстати, оперировал не стословным списком Свадеша, а его модифицированной версией из тридцати слов, наиболее устойчивых к заменам или утратам, разработанной его учителем Сергеем Евгеньевичем Яхонтовым. И тогда в Гагре на основе подсчета процентов схожей

лексики он оценил степень родства между баскским и северокавказскими. Я уже не помню, какой был процент, но он был значимый для утверждения о возможности родства. Так что он поддержал эту гипотезу. Моя статья по инициативе Владислава Ардзинбы была опубликована в очень интересном сборнике «Древняя Анатолия», редакторами которого были Борис Пиотровский, Владислав Ардзинба и Вячеслав Иванов. Издан он был в Москве. Благодаря Виталию Шеворошкину, который переехал в США еще в советское время, статья стала известной и на Западе. Виталий Викторович ее выводы поддержал. Но она вызвала жаркую и довольно жесткую дискуссию между компаративистами — американскими и европейскими, о том, насколько удалось доказать это родство. Есть такой журнал «Mother Tongue», т. е. материнский язык, посвященный работам по выяснению дальнего родства языков. Так вот, часть одного из его номеров была посвящена обсуждению моей статьи, и мнения там высказывались диаметрально противоположные. Поэтому могу сказать, что я как-то внес небольшой вклад в эту сенсационную теорию баскско-кавказского родства, в какой-то мере помог ее оживить, вновь сделать предметом дискуссии. Кроме того, я был первый, кто сравнивал факты баскского языка не со всеми кавказскими языками, а лишь с северокавказскими, что логично, ибо картвельские языки последним неродственны, и сравнение баскского с неродственными между собой кавказскими языками, что до того обычно предпринималось лингвистами, не имело смысла. Сейчас я понимаю, что все-таки это очень сложная вещь — доказать подобное родство. Дело в том, что нужно осуществить достаточно глубокую реконструкцию баскского языка, чтобы сравнивать праформы с данными северокавказских языков. А баскский язык ведь младописьменный, и реконструкция прабаскского языка на основе диалектов не является достаточно глубокой. Ведь нет других баскских языков, сравнение с которыми позволило бы хронологически углубить реконструкцию. Кроме того, судя по всему, баскская фонетика сильно упростилась. И поэтому одной фонеме в баскском языке соответствуют несколько фонем в северокавказских языках. Это то, что требует какого-то объяснения. Я думаю, что именно упрощенность баскской фонетики все-таки не позволяет окончательно доказать родство, хотя оно и вероятно. Из всех гипотез, которые существуют насчет генетических связей баскского языка с другими языками, а его связывали и с афразийскими языками, и с некоторыми другими, мне кажется, что именно гипотеза родства с северокавказскими языками имеет большие основания. Сейчас этой проблемой наиболее продуктивно занимается американский компаративист Джон Бенгтсон.

М.С.: Поддерживаете ли вы контакты с упомянутыми зарубежными исследователями?

В.Ч.: Да, с Джоном мы регулярно и уже давно переписываемся, обмениваемся публикациями. С Руленом я не был знаком. Он, кстати, ссылается в положительном плане на мою баскскую статью в своей книге «Происхождение языка». Но сейчас я лично не занимаюсь дальним родством. Сейчас у меня ближайшая цель — опубликовать наконец новую версию западнокавказской реконструкции, что было темой моей докторской диссертации. На нее была написана очень большая рецензия Сергея Старостина, где он достаточно жестко прошелся по некоторым аспектам моей реконструкции. Частично справедливо, и я принимаю его аргументы, частично не совсем. Я подготовил новое русскоязычное издание с пересмотренной реконструкцией, в частности,

с учетом рецензии Старостина. Кстати, именно в этой рецензии Старостин впервые и достаточно подробно объясняет свою западнокавказскую реконструкцию. В разговоре со мной даже Вячеслав Иванов отметил, что мол хорошо, что он написал рецензию на мою книгу, и таким образом, по сути, впервые многое объяснил в своей реконструкции. Кроме того, я уже много лет работаю над этимологическим словарем абхазского языка. И также параллельно над словарем абхазо-абазинских диалектов. Собираюсь опубликовать почти готовую грамматику дотоле неизвестного садзского диалекта абхазского языка, который я обнаружил в Турции, издать расширенную версию моего праабхазского словаря, а также сделать новую версию праадыгского словаря. На очереди также мои «Убыхские этюды», почти готовые к печати. У меня много записанных мною фольклорных текстов на разных языках — на абхазском, абазинском, убыхском, адыгейском, бежтинском, мегрельском, лазском, сванском, амшенском диалекте армянского, цыганском говоре Абхазии. И это тоже надо как-то издать. Удастся ли все это успеть — только Богу известно, но это то, что меня сейчас более всего занимает. Конечно, остается интерес и к баскскому языку, и к бурушаски, и к енисейскому языкам. Я все по этому поводу внимательно читаю. Но считаю, что пусть этим другие занимаются. Хорошо бы успеть то, что я вот сейчас перечислил, какие-то другие работы. То есть, очень много запланированной работы, что не позволяет мне вновь вернуться к вопросам дальнего родства.

В.М.: Говоря о современном периоде московской школы компаративистики, кого бы вы могли выделить в качестве лидеров, наиболее активных членов?

В.Ч.: Ну, это сложный вопрос для меня, потому что ныне тренд именно в сторону описательного языкознания, в область описания грамматических структур, дескриптивной лингвистики, лингвистической типологии и ареальной лингвистики. А вот компаративистика, как я уже говорил — она все-таки переживает не лучшие времена, в сравнении с прошлыми десятилетиями. Мало новых ярких фигур. Из тех, кого я знаю, можно назвать Алексея Касьяна, который работает и в индоевропеистике, и пробует свои силы в северокавказском языкознании. Но с точки зрения лидера или каких-то ведущих фигур — трудно сказать, я их просто могу не знать, на самом деле. В кавказоведении вот Михаил Егорович Алексеев был крупной фигурой. Он недавно скончался, к сожалению. Ну и, естественно, был Старостин. Сергей Николаев не занимается уже кавказскими языками. Яков Георгиевич Тестелец отличный специалист в области дагестанских языков, картвельских языков. В последнее время он много работал над адыгскими языками, но уже в плане чисто описательном, не затрагивая истории. Олег Мудрак в последнее время занимается реконструкцией отдельных групп северокавказских языков. У него большие планы, насколько я понял. Анна Дыбо — крупнейший специалист в области алтайской исторической лингвистики. Сын Сергея Старостина, Георгий Старостин, занимался енисейской реконструкцией, кроме того, у него работы в области реконструкции дравидийских языков, койсанских языков Юга Африки, реконструкции других африканских языковых семейств. Кстати, хочу вспомнить и супругу Георгия Андреевича Климова, Джой Иосифовну Эдельман — это одна из крупнейших фигур в мировой иранистике. У нее в соавторстве великолепный этимологический словарь иранских языков. Это, конечно, наиболее заметные фигуры из тех, кто сейчас работает в области

сравнительно-исторического языкознания, кого я знаю. Но я не претендую на хорошее знание ситуации в этой области. На Кавказе же сейчас очень мало тех, кто адекватно занимается историей языков.

М.С.: Вы знакомы с Георгием Сергеевичем Старостиным?

В.Ч.: Я с ним познакомился, когда ему было лет семь или шесть. Будучи в гостях у его отца, Сергея Анатольевича. А потом я уехал в Европу. И когда я его увидел во второй раз в жизни, он уже был взрослым человеком, известным ученым-компаративистом. Кстати, его отец мне с большой гордостью рассказывал о его научных достижениях. Георгий занимается южноафриканскими языками. А именно реконструкцией языков с кликсами — это такие очень экзотические языки. Занимался и енисейскими языками, вслед за отцом. Я думаю, это, конечно гордость отца и счастье, что сын пошел по его стопам и стал известным компаративистом. Хотя и отец Старостина-старшего, насколько я знаю, был известным филологом. Ну вот, то есть, традиция такая уже семейная. Я с Георгием мало общался. Кратко переговорил с ним на конференции в Москве, когда и Иванов там был, лет 8 назад, наверное, вот и все. Хотя я с интересом читаю то, что он пишет. Но вот такого личного контакта у нас нет, к сожалению. Может объясняется тем, что это, как сказать, другое поколение. Кроме того, все языки, которыми он занимается, пожалуй, кроме енисейских, достаточно далеки от моих собственных интересов.

М.С.: Нечто поколенческое?

В.Ч.: Просто не было даже возможности общаться, потому что я в Москве нечасто бываю. Я общаюсь с Андреем Александровичем Кибриком, с другими сотрудниками Института языкознания, конечно, с коллегами из отдела кавказских языков — Яковом Тестельцом, Тимуром Майсаком, другими коллегами. Общаюсь с кавказоведом Юрием Ландером из ВШЭ, который очень плодотворно работает над описанием дагестанских и абхазо-адыгских языков. Переписываюсь с Петром Аркадьевым, который занимается абазинским. Общаюсь с Дианой Форкер, главой кавказоведения в Йенском университете. Регулярно общаюсь с Леонидом Куликовым, Джорджем Хьюиттом, Джоном Коларуссо, Витторио Томеллери, Гарником Асатрянном, рядом других лингвистов и филологов. Всегда рад контакту с парижскими друзьями и коллегами — Анаид Донабемян, Жилем Отье, Рене Лакруа. В общем, общением не обделен. Так что я знаю работы Георгия Старостина и, конечно, высоко их ценю. Но так лично мы не общаемся.

М.С.: Используете ли вы в своей работе компьютерную среду «Starling»? Интересно, знакомы ли с ней, например, в Нидерландах? Есть ли альтернатива?

В.Ч.: Вы знаете, в то время, когда он ее сделал — Сережа создал эту программу на основе Times New Roman, это была, конечно, хорошая программа, в смысле научной фонетической транскрипции. На том начальном этапе была большая проблема с поиском нужных шрифтов, именно с нашими языками, кавказскими, с их сложной фонологией. Очень трудно было найти хорошую программу, где эти фонемы бы отображались. И я очень мучился, когда писал свою диссертацию, в поисках нужной программы. В этом отношении

старостиновская программа была, конечно, очень хорошей. Я одно время пользовался ею, но потом создал собственный шрифт на базе той же Times New Roman. «Starling» сыграл свою роль. Потому что действительно многие пользовались этим шрифтом. Но потом настолько Microsoft развился, что там имеются шрифты практически для любого языка, так что такой острой проблемы с шрифтами уже нет.

Большая коллекция шрифтов была у SIL (Summer Institute of Linguistics). Я ими тоже пользовался иногда, но потом Microsoft интегрировала почти все их знаки в свою систему. То есть уже можно просто обычным юникодовским шрифтом пользоваться для передачи практически всех звуков языков мира, за небольшими исключениями. Так что сейчас проблема намного облегчилась. А тогда была острая проблема поиска шрифтов. Кроме того, «воевали» между собой фанатичные поклонники Apple и Microsoft. Я на Apple так и не перешел, и когда мне нужно было как-то написать статью на Apple, очень раздражался, потому что там все по-другому. Остаюсь верен Microsoft. Сейчас все, кстати, легко взаимозаменяемо, к счастью. Здесь тоже глобализация и унификация произошла, что значительно упростило нашу задачу по поиску необходимых шрифтов и программ.

М.С.: В рамках читаемых курсов уделяете ли вы внимание сравнительно-историческому языкознанию?

В.Ч.: Я читал курс «Введение в кавказское языкознание» в Лейденском университете, и продолжаю его читать в Абхазском университете. Основа курса — книга Георгия Андреевича Климова «Кавказские языки». Ну, я добавляю, естественно, свой собственный опыт в языках, и в этом курсе большой раздел, насколько лекций, по сравнительно-историческому языкознанию, что больше основано на моем личном опыте. Рассказываю о теориях родства кавказских языков, включая анализ иберийско-кавказской и северокавказской гипотез. Также основы компаративистики, то есть научная методология сравнения языков. В Сухуме я использую для примеров абхазский, убыхский и адыгские языки, которые близки студентам. Наглядно на примерах показываю им, как выявляются на основе сравнения базовой лексики закономерные звукосоответствия, которые служат доказательством родства языков. И студенты в целом неплохо усваивают материал.

М.С.: Какой глубины эта заинтересованность? Были ли те, кто подходили к вам после курсов и, например, увлеченно рассказывали о прочитанных работах или хотели бы присоединиться к исследованиям?

В.Ч.: В Лейдене у меня несколько кавказоведческих курсов было. К сожалению, никто из моих голландских студентов не пошел в кавказоведение, хотя очень им интересовались. Просто не было докторантуры по кавказским языкам, и они перешли на другие языки. В Абхазии у меня было несколько ярких студентов, но они не пошли в историческое языкознание. Я желал бы, конечно, появления какого-нибудь продвинутого студента или студентки, которые заинтересовались бы историей языка, но пока таких не нашел. С другой стороны, я воспитываю нескольких социолингвистов — это новая для Абхазии отрасль языкознания, и очень актуальная. А в плане именно компаративистики никого, к сожалению, нет. Поэтому мне здесь на самом деле некому

передать свои знания в этой области. Я в основном занимаюсь тем, что пишу книги, статьи, и надеюсь, что они найдут своего читателя, в том числе за пределами Абхазии.

М.С.: Мы вас не утомили?

В.Ч.: Нет, мне очень интересно все это вспоминать... Можно сказать, мемуары пишу. Когда рассказываешь, то многое всплывает из того, что оставалось в «задней части» памяти. А это очень интересные вещи на самом деле. Интересная эпоха была. Знаете, хочется написать хотя бы небольшие главы по каждой из замечательных личностей, с кем мне посчастливилось встречаться. Об Иванове, Старостине, Кумахове, Климове, Шагирове, Алексееве и так далее. Их работы оставили большой след в кавказском и не только кавказском языкознании. Общение с ними дало мне многое для моего роста как лингвиста, в плане прикосновения к большой науке. Это для меня большое значение имеет. Может быть, будет для этого когда-нибудь время. Хотя не уверен. Времени все меньше и меньше.

М.С.: Интересны ваши воспоминания о конкретных исследователях. Мы будем называть интересующие нас имена. Удалось ли вам познакомиться с Ароном Борисовичем Долгопольским, или вы не застали его в России?

В.Ч.: Да, [он] уже уехал тогда. Кстати, его сестра родная работала, и сейчас, может быть, работает в Институте языкознания, очень милая женщина. С ним я не был знаком. Читал его работы, естественно, по ностратике. Публиковались они в таком продолжающемся издании «Этимология» — известный сборник, издавался Институтом русского языка. Там он публиковал свои работы в продолжение исследований Иллич-Свитыча. И, конечно, мне все это было страшно интересно. Он был одним из крупнейших ностратистов. После Иллич-Свитыча — вторая фигура. Плюс Сергей Старостин и Владимир Дыбо. Еще несколько человек, может быть. Это крупнейшие исследователи в этой области науки в России.

Я переехал в Москву в 1982 г., поступил в аспирантуру. К тому времени он уже уехал. О нем, кстати, часто говорили, что он был таким крупным ученым, в таком роде. Старостин о нем мне кажется что-то рассказывал. Но сказать, что я что-то помню интересного, такого конкретного... Нет, ничего не могу сказать.

М.С.: Виталий Викторович Шеворошкин.

В.Ч.: С ним я лично знаком. Мы с ним познакомились в Нидерландах, кстати, в Лейдене. Он приехал из Америки по какому-то проекту, кажется. Это было лет 15 назад. Я знал его работы, особенно по дешифровке карийской письменности. И по фонологии. О нем и Старостин мне рассказывал, и Ардзинба, которого он навещал в его доме в Эшере, близ Сухума, и даже как-то раз помогал собирать груши. То есть о нем я как-то был наслышан. И познакомился я с ним уже в Лейдене — и Старостин тогда там тоже был. Тепло пообщались. Он очень такой, как сказать, современный человек. Я был еще молодым тогда. Спрашиваю: «Как вас по отчеству?». А он говорит: «Нет-нет, просто Виталий!». И мне было странно называть по имени такого извест-

ного ученого. Хотя в Лейденском университете все называли профессоров по имени. Вот Роберт Беекес — это величина такая! И — Роб, просто Роб. Фредерик Кортланд — просто Фриц. Это очень интересная, европейская модель поведения в академическом сообществе, очень демократичная, совсем отличная от российской. Вообще, когда приезжаешь в Европу — вы там бывали, естественно — там другая культура общения. Улыбка там является такой нейтральной вещью, но требуемой, почти необходимой для нормального общения. Я думаю, что если бы я, когда работал в советское время в Институте языкознания, зашел бы в наш отдел широко улыбаясь, то коллеги подумали бы, что что-то со мной случилось. А если бы я в Голландии зашел в свой офис и не улыбаясь поздоровался бы с коллегами, то они спросили бы: «С тобой что-то случилось?». Помню, в первый год моей жизни там при встрече голландский коллега меня спросил: «Слава, как дела?». Я ответил: «Нормально!». В России нормально — это же нормально, правда? Значит, все в порядке. А он спросил как бы с тревогой: «А что случилось?». То есть нормально — для них звучит как какая-то проблема. А нужно было сказать «отлично!». Так что это такие разные культурные коды. Я улыбаться учился не менее года. Меня друзья-аспиранты спрашивали: «Слава, почему ты всегда угрюмый?». А я удивлялся, потому что я не был угрюмым, просто был серьезным, как и положено в академическом сообществе. [Смех. — В.А.] Потом я уже научился естественным образом улыбаться, и теперь уже не могу отучиться. И уже в России, когда захожу в магазин, и когда продавец не улыбается и не здоровается со мной, мне это кажется странным и очень неприветливым. А на самом деле это норма поведения такая. Что делать! Разные культурные коды.

После первой встречи в Лейдене, о которой я упоминал, Шеворошкин еще раз приезжал в Голландию со своей женой, и они у меня останавливались в гостях. Я тогда уже жил в Гааге, не в Лейдене, но это очень близко. Мы прекрасно провели время. В Делфт вместе ездили. Прекрасные люди, прекрасные русские интеллигенты... Виталий отличный ученый, конечно. Кстати, он родом из Абхазии, из Нового Афона. Мы много беседовали с ним, о Сергее Старостине, об Ардзинбе, об Иванове, вообще о компаративистике, о языках-изолятах, о макросемьях. Я просто не помню сейчас всего, о чем мы говорили. Он и о Долгопольском рассказывал. Сказал также, что они собирались мою первую книгу, «Аспекты фонологической типологии», на английский перевести и издать, и даже начали переводить, но для издания не нашлось денег.

Кстати, именно Виталий мою статью по баскско-кавказским связям пропагандировал. Именно через него она стала известной на Западе. В итоге целая дискуссия создалась, о чем я и не знал вообще. У меня в Лейдене гостил один австралийский лингвист, Пол Сидвелл. До сих пор с ним общаемся. Отличный компаративист. Знакомясь, он меня спросил: «А как ваша фамилия?» Я говорю: «Чирикба». Он удивился, потому что знал, что такая дискуссия по поводу моей статьи развернулась, и вот он лично познакомился с тем, кто всю эту дискуссию по поводу баскского языка вызвал. В общем, это он мне рассказал, что благодаря Шеворошкину моя работа стала известной на Западе.

Был такой Ларри Траск, известный басколог. Он американец, но работал в Англии. Вот он написал на мою баскскую статью совершенно разгромную рецензию. Во многом, кстати, справедливую, но слишком категоричную

в своих выводах и суждениях по поводу внешних связей баскского языка. И даже в его большой книге «История баскского языка», там глава целая о предполагаемых внешних связях баскского, где он меня тоже четверговал... [Смех. — В.А.] Потом мы с ним лично познакомились, он был в 1997 г. в Лейдене с лекцией по истории баскского языка, и меня пригласил после лекции вместе с ним поужинать известный голландский басколог Рудольф де Рейк. Траск оказался очень приятным человеком. Он потом мне написал, что сам смущен той свирепостью, с которой накинулся на мою статью. Все-таки на время ее написания это был советский период, еще не было вообще почти никакой литературы по баскскому языку тогда в Советском Союзе. Я работал только на основании рукописи баскско-русского словаря Зыцаря, и конечно, с ним консультировался. Западные работы по баскскому мне тогда были недоступны. Ну и я все же тогда еще очень молодым был, студентом второго курса Харьковского университета. Во многом наивным и самоуверенным. Но я не жалею, что опубликовал эту свою баскскую статью, и кстати, ее публикацию поддержали тогда и Ардзинба, и Старостин, и Иванов, и положительно оценил Дыбо.

М.С.: Следующий — это Александр Юрьевич Милитарев.

В.Ч.: Я с ним мало общался на самом деле. Он дружил со Старостиным. У них была совместная работа по северокавказско-афразийским языковым связям. Я был на совместной презентации этой статьи Старостиным и Милитаревым. Кстати, я не являюсь поклонником этой статьи. Я считаю, что там много дискуссионного. И мне кажется, сам Старостин потом уже отошел от энтузиазма по поводу этой темы. Я это чувствовал, потому что он не очень-то на нее ссылаясь. Но так-то мы встречались с Александром Милитаревым на конференциях... Например, в ИВАНе которые проходили. У нас был хороший контакт, какие-то этимологии, помню, с ним обсуждали. Кстати, недавно на Facebook* мы с ним встретились, и он сказал: «Слава, рад с тобой снова контакт восстановить». Было приятно. Остались теплые отношения, но вот близко мы с ним не общались на самом деле. Он занимался афразийскими языками, афразийской реконструкцией, берберскими языками, гуанчским языком. Меня это по молодости очень интересовало. Я читал его статьи, слушал лекции.

М.С.: Евгений Арнольдович Хелимский.

В.Ч.: Хелимский. Знаете, я его только слышал на конференциях, но лично не посчастливилось пообщаться. Была очень интересная конференция в Институте востоковедения по компаративистике. Там он выступал и дискутировал с Тамазом Гамкрелидзе — такой грузинский индоевропеист очень известный был. Он с ним дискутировал по поводу лексических заимствований из индоевропейского языка в протоуральский. Но о нем я часто слышал от Старостина, они дружили. Потом, как я знаю, он уехал в Германию, был там профессором по уральским языкам, не помню в каком городе. Я помню, что впервые услышал его фамилию, когда Старостин в Гагре у меня гостил. Он тогда мне сказал, что в принципе для хорошего лингвиста не имеет большого значения, какими языками заниматься, для него любой язык это рабочий

* Сеть, запрещенная на территории РФ. – Ред

материал. И привел пример Хелимского, что он хотел заниматься какими-то другими языками, но в аспирантуре был лишь венгерский язык. И он пошел по венгерскому и стал одним из крупнейших ураловедов. Я читал его работы. Вообще я читаю по компаративистике все, что могу достать, по всем языкам. И, в частности, по финно-угорским языкам немало читал.

М.С.: Игорь Михайлович Дьяконов.

В.Ч.: Да, это тоже такая очень большая фигура. Я впервые его увидел — хотя читал его работы до этого — на конференции в ИВАНе, которую я упоминал. Это была первая конференция в моей жизни, она была посвящена памяти Струве. И там Дьяконов был одним из выступающих. Я, кстати, застал там момент, когда где-то в коридоре Старостин рассказывал ему о своей северокавказской реконструкции, и объяснял произношение каких-то кавказских звуков, кажется, лагерьных. Дело в том, что в одном ереванском журнале Дьяконов как-то написал статью, где доказывал генетическое родство хурритского и урартского языков с нахско-дагестанскими. Потому он интересовался работами Старостина по восточнокавказской реконструкции. Они потом написали совместно работу по хуррито-урартским языкам и их связям с восточнокавказскими. Насколько я помню, тогда, на той конференции это была первая встреча Старостина с Дьяконовым, и он подробно объяснял ему все эти кавказские звуки, и тот с большим интересом слушал его фонетические объяснения. Кстати, на самом деле первым по этой теме написал Георгий Климов, в соавторстве с польским кавказоведом Яном Брауном. Георгий Климов написал эту статью, еще учась в аспирантуре, в Тбилиси, и там же ее опубликовал. О возможной связи хуррито-урартского языка с восточнокавказскими языками. Потом, много лет спустя, когда он сам же критиковал эту гипотезу в исполнении Старостина и Дьяконова на нашем семинаре для аспирантов в Институте языкознания, я спросил его: «Георгий Андреевич, но это же вы первым написали подобную статью, положили начало этому направлению!». Он улыбнулся и ответил: «Да, каюсь, ошибка молодости». А вторая работа по этой теме после Климова была написана много лет спустя уже Дьяконовым. Такая довольно обстоятельная работа. Но он не общался тогда с кавказоведами, просто из литературы брал кавказские материалы. А Старостин уже таким знатоком кавказских языков был, что не случайно, что они стали над этой темой совместно работать. Старостин мне говорил, что он часто ездил в Петербург — извините, в Ленинград — и дома у Дьяконова работал вместе с ним над этой их совместной монографией, которая была издана в Мюнхене на английском языке. «Хуррито-урартский как восточнокавказский язык» — так, кажется, она называлась. Кстати, когда я проходил курс хурритского и урартского языков в Лейденском университете, который нам читал профессор ассириологии Вилфред ван Солд, он опирался на эту работу Дьяконова и Старостина, но именно в части дескриптивной, касающейся структуры хурритского и урартского языков. Он не знал, как относиться к той части работы, которая была посвящена связям хуррито-урартского с восточнокавказскими языками. Кроме этого, я помню о Дьяконове, что он принимал участие в дискуссии по поводу так называемой «майкопской плитки». В годах 60-х недалеко от Майкопа нашли загадочную плитку с иероглифами. Тогда ленинградский кавказовед Георгий Турчанинов, который занимался дешифровкой письменностей на разных языках, в основном на кавказских, сообщил, что он расшифровал эту плитку на основе абхазского языка. По этому поводу

на страницах известного журнала «Вестник древней истории» была большая дискуссия. И одна из критических статей была написана Дьяконовым. Турчанинов был хорошим кавказоведом, но эта попытка дешифровки — не самое большое его достижение. Я, кстати, показывал изображение этой плитки в Лейдене знакомому шумерологу, и он сказал, что некоторые иероглифы на ней древнешумерские, хотя Ардзинба говорил мне, что там есть и какие-то древнехеттские иероглифы. Я думаю, что эта табличка так и останется не расшифрованной, пока не будут найдены другие памятники этого письма, или даже билингвы с параллельным текстом на известном языке. Добавлю, что Дьяконов сделал реконструкцию афразийского языка, и в последние годы жизни работал над афразийской реконструкцией.

М.С.: Илья Иосифович Пейрос.

В.Ч.: Он, кажется, сейчас в Австралии. Я с ним знаком был, не очень близко, еще по Москве. Потом он уехал в Австралию. Он был несколько раз в Лейдене вместе со Старостиным. Там мы общались, он со Старостиным у меня дома в Гааге бывал, я им показывал город, который им очень понравился. Илья очень приятный человек и отличный ученый-компаративист. Я помню, кстати, его выступление на знаменитой конференции по исторической лингвистике в ИВАНе. Пейрос выступал там с докладом о миграции предков народов, говорящих на сино-тибетских языках. Он считал, что они мигрировали в Юго-Восточную Азию с запада, через Памир и Гималаи, если мне память не изменяет. Он тогда так увлекательно рассказывал, как сейчас помню, как эти волны мигрантов прото-сино-тибетцев пересекали каньоны, горы, пока наконец не добрались до Китая.

М.С.: Ольга Валерьевна Столбова.

В.Ч.: Я ее хорошо помню по Институту языкознания. Она занималась чадской, кажется, реконструкцией. Работала в секторе африканских языков. Но близко я с ней не общался. Я помню, слышал ее выступление по чадской реконструкции на ностратическом семинаре. Серия лекций у нее была по реконструкции проточадского. Несколько лекций я прослушал.

М.С.: Андрей Анатольевич Зализняк.

В.Ч.: Ну, это конечно очень крупная фигура в лингвистике. И в мировой лингвистике, и в российской лингвистике, и в московской лингвистической школе. Я помню его выступления на конференциях. Кстати, его дочь Аня — мы в одно время учились в аспирантуре — работает в Институте языкознания, прекрасный лингвист. Я с ним никогда не общался, просто слышал его выступления. Он посещал семинары, которые читал Старостин по северокавказской реконструкции. Очень интересовался этой реконструкцией, задавал вопросы по каким-то деталям, записывал. Я помню его на лекциях именно по исторической тематике. Он был ученым широкого профиля...

М.С.: С Сергеем Львовичем [Николаевым] Вас познакомил Сергей Анатольевич?

В.Ч.: Да. Я познакомился с ним у Старостина дома. Я еще был студентом, приезжал в Москву и обычно у Владислава Ардзинбы останавливался. Его

жена Светлана — моя родственница. И вот меня пригласил в гости Сережа Старостин, это уже после Гагры было, осенью 1979 г. Я пришел к нему домой, и там познакомился с его супругой и с их маленьким сыном Гошей. Кроме Сережи, там были Сергей Николаев, Миша Алексеев и Олег Мудрак, тогда еще студент, кажется, второго курса. Я знал работы Алексеева, но впервые лично с ним познакомился именно тогда. Мы впоследствии стали близкими друзьями. После этого мы пересекались с Николаевым на конференциях, как-то общались. Сережа родом из Сибири. И характер его немножко сибирский такой, широкий. Поселился в деревне в Подмосковье, преподавал там в школе. Мне Старостин рассказывал, что он регулярно ездил к нему в деревню, когда они готовили к печати свой словарь северокавказский. Старостин к нему ездил с рукописями словаря в рюкзаке. Они сидели в подмосковной деревне и работали над северокавказским словарем. Старостин делал праабхазскую, западнокавказскую и другие реконструкции, а Николаев праадыгскую, праахскую и, если не ошибаюсь, еще працезскую. Потом, к сожалению для нас кавказоведов, Николаев ушел в славяноведение, увлекся русскими говорами, акцентологией — и сейчас этим занимается очень продуктивно.

Сейчас вот мы на Фейсбуке* иногда обмениваемся месседжами. Кстати, для изучения истории создания северокавказского словаря очень важно с ним пообщаться, я думаю. Распросить о деталях реконструкции. Это очень интересно, особенно потому, что Старостин, к сожалению, уже не с нами... Неплохо было бы, конечно, его распросить, как все это создавалось.

Я в заключение на смешной ноте расскажу одну историю, которую часто рассказываю. Ведь мир стал маленьким. А раньше, когда я жил в Советском Союзе, мир казался необъятным и недостижимым. Сейчас это уже забыли. Но тогда «железный занавес» был вполне реальной вещью. Ощущение, что ты на какой-то отдельной планете находишься, изолированно от других. Читаешь книги, скажем, об Америке, о Франции. Смотришь фильмы. Но это как бы марсианские хроники. Как будто все это где-то в другой вселенной. А потом выяснилось, что всего 3 часа лету, и ты уже там, и все это всегда было очень близко. Европа ведь очень маленькая. И вот одной забавной историей на тему глобализации завершу свой рассказ. Я читал одно время лекции в Лейдене по абхазскому языку, читал курс по введению в кавказское языкознание. А один семестр, так, для эксперимента, решил почитать грузинскую грамматику. На основе грамматики Джорджа Хьюитта, известного кавказоведа. Как оказалось, было много интереса к грузинскому языку. Это было лет 18 назад. У меня в группе было человек 12, я думаю. Для редких языков это много. Моя знакомая по университету преподавала иврит. И она говорит: «Ну, максимум пять человек в год я могу набрать на семестр, а у тебя столько людей на грузинский записалось!» Так вот, я читал лекцию, и один из моих учеников был иранец, но грузинского происхождения. А свой курс я читал на голландском языке. И вот мой коллега, Рикс Сметс, увидев такую ситуацию, усмехнулся: «Это вообще-то замечательно: абхазец из Абхазии читает в Голландии на голландском языке курс грузинского языка грузину из Ирана!» Вот такие парадоксы случаются. Интересная история времен глобализации, правда? Ну, тогда это было начало глобализации. А сейчас уже, конечно, вообще никого ничем не удивишь, я думаю.

М.С.: Мы сейчас с разных мест, получается, и имеем возможность встретиться онлайн.

В.Ч.: Это, конечно, удивительно. Я помню, когда появились первые компьютеры в нашем офисе в Лейдене. У нас было шесть докторантов, и один компьютер на всех. Мы по очереди на нем работали. Сейчас все они известные ученые. А тогда вот мы сидели по очереди за одним компьютером. Потом появилась электронная почта. Принесли аппаратик такой, он долго забавно жужжал, отправляя письмо. Знаете, как какое-то шаманское действие было послать один e-mail! Это было просто захватывающе: мы все стояли вокруг и смотрели на этот жужжащий аппаратик как на какое-то чудо. А сейчас... сейчас мои дети запросто, в 5–6 лет играют в Minecraft, пользуются планшетом. Вот те, которые сейчас маленькие дети — ведь они совсем другие, правда же? Совсем другие в плане восприятия. У них на первом месте зрительное восприятие, они воспринимают мир образами. Это просто кошмар — заставить прочитать их 5–10 страниц текста. Вот моему сыну нужно было прочитать для школы «Тараса Бульбу». Он предпочел посмотреть фильм в два с половиной часа, а не прочитать повесть. «Прочитал» — и получил пять. Так что все уже изменилось, а я еще застал ту эпоху, вообще какую-то доисторическую, когда люди читали книги, и это был главный источник их знаний о мире. Вот так все меняется на глазах одного поколения.

М.С.: Благодаря технологиям мы имеем возможность с Вами поговорить! Вы нам уделите просто колоссальное количество времени!

В.Ч.: Спасибо Вам! Такие вопросы и темы, что мне самому было очень интересно все это перематывать снова в своей памяти.

Расшифровка текста — М.Э. Сысоева, В.В. Матвеев

Interview

Sysoeva M. E., Matveev V. V., Chirikba V. A. I'm honoured to be a Member of the Moscow School of Comparative Linguistics. [Dlia menia bolshaia chest' byt' chlenom moskovskoi shkoly komparativistiki] Interview with V.A. Chirikba. *Anthropologies*, 2023, no 2, pp. 158-189. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-2/158-189>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Chirikba Viacheslav Andreevich | senior researcher, Institute of Linguistics of RAS | chirikba@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0001-8967-2767>

Sysoeva Maria Eduardovna | junior researcher, N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of RAS | m.sysoeva@iea.ras.ru | <https://orcid.org/0000-0002-0553-4998>

Matveev Vladislav Viktorovich | junior researcher, Institute of Linguistics of RAS | v.matveev@iling-ran.ru | <https://orcid.org/0000-0003-0174-5373>

Abstract

The interview of M.E. Sysoeva and V.V. Matveev with the linguist Dr. V.A. Chirikba is devoted to the researcher's creative path and a specific area of his scientific interest — comparative historical linguistics. The conversation discusses not only biographical milestones, but also the stages of development of the Moscow School of Comparative Linguistics, the history of the ideas of the Russian linguistic school and its contribution to Caucasian studies, as well as the atmosphere of scientific meetings of the Nostratic seminar and memories of colleagues.

Keywords: comparative and historical linguistics, caucasology, Nostratic seminar, history of science

Сысоева М.Э., Матвеев В.В., Чирикба В.А. «Для меня большая честь быть членом московской школы компаративистики». Интервью с Вячеславом Андреевичем Чирикбой.

